

не в бровь, а в глаз. Московское правительство, с одной стороны, почти не помогая казакам, всячески толкало их на оборону Азова, а с другой — еще в 1637 г. после азовского взятия царь писал султану о казаках: „Мы за них не стоим, хотя их воров всех, в один час, велите побить“.¹ Те же самые русские послы, которые проездом доставляли казакам царское жалованье, в Константинополе убеждали султана, что „казаки издавна воры... беглые холопы боярские... бежали Московского государства... заворовав, от смертные казни... государю нашему непослушны и Азов взяли без царского величества ведома... самовольством... и помочи царское величество к ним не посылавал“.² „Вероломство здесь самое неприкрытое... казачество находилось как бы между наковальной (Москва) и молотом (Турция)“...³ Заявить об этом прямо автор повести, конечно, не мог. Но когда перед глазами московского читателя будто бы сами турки в своей „речи“ первые раскрыли эту тайну царской дипломатии, то это, как бы независимо от автора, вывело на свет данную тему и создало уже повод для того, чтобы в казачьем ответе была развернута яркая картина обостренных отношений между Войском и московской боярской верхушкой.

Ссылаясь якобы на слова турок, казаки намекают: „Да вы же нас пужайте..., что с Руси к нам запасов не пришлют..., и о том будто к вам... бусурманом из государства Московъскаго и писано“ (137). И теперь словами казаков к туркам, но, имея в виду, конечно, московского читателя, автор разъясняет создавшееся положение: „И мы про то и сами вѣдаем, какие мы на Руси... люди дорогая, ни к чему мы там не надобны...“. Но эта грустная ирония над собственным положением перебивается патриотической хвалой: „А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всѣх иных государствъ и ордъ... аки в небѣ солнце“. И сразу же за этим опять грустная констатация: „А нас на Руси не почитают и за пса смердящаго“. Почему же? А вот почему: „Отбегаемъ мы ис того государства Московскаго из работы вѣчныя ис холопства невольнаго, от бояр и от дворянъ государевых... Кому об нас тамъ потужит, ради там все концу нашему“ (137—138).

Боль и горечь этих справедливых упреков казаки оттеняют очень выразительно. Если московские власти бросили их „в пустыни непроходней“ на произвол судьбы, то зато они якобы нашли здесь помощь самого „бога“: „кормит нас на поли господь бог“, — говорят они. Опять проступает характерная для ориентации повести на московского читателя авторская идеализация героев. Оказывается, казаки, презираемые боярами, выполняют в „пустыне“ заветы самого Христа: „Питаемся мы, — говорят они, — аки птицы небесныя, не сѣем, ни орем, ни в житницы збираемъ,

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 53.

² Врем. Моск. общ. ист. и древн. росск., кн. 9, 1851, стр. 10, 32, 38, 89.

³ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 39, 41.